
М. Б. БЕССУДНОВА

**«КРАТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ГАНЗЕЙЦЕВ
ОБ ИХ ИСКОННОМ СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ И ТОРГОВЛЕ
В ЛИВОНИИ И РОССИИ»
(из Таллинского городского архива)**

Среди множества архивов бывших ганзейских городов Таллинский городской архив (ТЛА) является одним из наиболее представительных собраний документов по истории средневековой Ливонии¹. Его фонды систематизированы², описаны³ и значительной частью выложены в Интернет (*saaga*). Объемный документальный комплекс по истории русско-ливонских экономических и политических отношений рубежа Средневековья и Нового времени обнаруживается среди бумаг Ревельского (Таллинского) магистрата (фонд 230) в подразделениях *Rossica* (ВН) и *Hansa* (ВД). В них содержатся многочисленные свидетельства активных торговых связей Немецкой Ганзы Русью/Россией и, прежде всего, с Великим Новгородом.

¹ Подробнее см.: *Lenz W.* Die ausgelagerten Bestände des Revaler Stadtarchivs // *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*, 1986. Bd. 34. 1987. S. 8 ; *Neitmann K.* Geschichte und Zukunft des Liv-, est- und kurländischen Urkundenbuches // *Stand, Aufgaben und Perspektiven territorialer Urkundenbücher im östlichen Mitteleuropa*. Marburg, 1998. S. 116.

² Международную корреспонденцию ревельского магистрата ок. 1970 г. систематизировал Ф. Бенниннгофен, им составлен Архив писем (*Briefarchiv*), который в настоящее время также хранится в ТЛА.

³ *Hansen G., Greiffenhagen O.* Katalog des Revaler Stadtarchivs : 3 Bd. 2. Aufl. Reval, 1924–1926 ; *Baltic Connections. Archival Guide to the Maritime Relations of the Countries around the Baltic Sea (including the Netherlands) 1450–1800*. Leiden (u. a.), 2007. Vol. 1. P. 111–132.

Фонды ТЛА изучаются довольно давно, но все еще не исчерпаны. Перспективность их дальнейшего исследования демонстрирует, в частности, обнаружение рукописного списка документа эпохи Ливонской войны 1558–1583 гг. под заголовком «Краткое повествование и информация ганзейцев об (их. — М. Б.) исконном свободном плавании, предпринимательстве и торговле в Ливонии и России»⁴. Он освещает некоторые стороны торговой политики Любека начала 70-х гг. XVI в., однако до настоящего момента не был востребован исследователями и публикаторами — во всяком случае нам не удалось обнаружить ссылок на него в зарубежных и российских изданиях. Текст «Краткого повествования...» помещается на лицевой и оборотной сторонах двух листов in 4°. Дата в нем не обозначена, хотя архивная пометка в правом верхнем углу документа гласит, что он был составлен «после 1570». Это следует из его содержания; качество бумаги и почерк также указывают на вторую половину XVI в.

Документ составлен неизвестным автором (авторами) от имени граждан Любека вскоре после окончания семилетней Северной войны, которая велась в 1563–1570 гг. между Данией и Любеком, с одной стороны, и Швецией — с другой. В декабре 1570 г. она завершилась подписанием Штеттинского мира⁵, который, в частности, гарантировал сохранение старинных ганзейских привилегий, а следовательно, льготных условий для их предпринимательской деятельности в торговых городах Ливонии и Северо-Западной Руси.

Документ невелик по объему, что позволяет нам привести его полностью:

«Граждане и жители города Любека и прочих почтенных ганзейских городов с давних и незапамятных времен имели особые привилегии, пожалования и свободы, как в Ливонии, так и в России, в соответствии с которыми не только свободно и безопасно доставляли туда, как по воде, так и посуху, всевозможные купеческие товары, которые им доставляло удовольствие продавать русским и прочим или предоставляли в обмен,

⁴ Kürtzer Bericht undt Information der hansischen von alters her auf Lieflandt und Rußlandt gebrauchter Sigillation, gewerb undt hantirung (TLA, 230, BD 27, fol. 1v.–2r.).

⁵ Подробнее см.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 514–527; *Arnell S.* Bidrag till belysning av den baltiska fronten under det nordiska sjuårskrig 1563–1570. Almqvist & Wiksell International, 1977; *Jensen F. P.* Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kopenhagen, 1982; *Frost R.* The Northern Wars: State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000. P. 29–36; *Glete J.* Warfare at Sea, 1500–1650: Maritime Conflicts and the Transformation of Europe. London, 2001. P. 121–124.

1527

EX ARCHIVO
CIVICIS REVERENDISS

Uebersetzung und Information der Hansischen
von alter Sees auf Seeplandts und Inselplandts
georauester Sigillation gewerh vnd Santicheit

1570

Der Stadt Lübeck vnd anderen freien hansestätt eingestanes
Lingawer vnd feringerhan, gabon von altzeit vnd vnderuralt
sich an, das was sowohl in lauff als in landt vnd an der
prinzipale ergründungen vnd geschawen geseit dangehelt
das die dafin nicht allein allehandt kaufmanbrüder
sich, sicut, sowohl zu wasen als zu leude bringen, die
populans in die lufften vnd an der vordandelen verkauften
der vorwerffung, sondern auch feringerhan die an
sich gebawer, die, wie wasen ansonst geseit vnd bringen,
vnd in verfertigung gemaachet vorkauffen zu vnd an den
distributoren vnd verbotler, mögen, vnd stufen oft einig
begriffe, zollent oder andere imposten.

Item, so sie den auf die daz daz beschiff vnderfunde
oder Compta zu daz von den lufften vnd der lufften in
Luplandt geseit, das sie sich oft zu wasen vnd wasen
vnd die, wie, in hiesiger daz daz daz vnd sicut vorkauften
lassen, das recht der freien handlung sie nicht allein
in lufften, sondern auch bringen zuden vnd in hiesiger
is vnd allwege oft einig vnderfunde der zeit, vnd be-
sunder gelubten, wasen auf daz, oft, also, daz
soll vnd gelubten, wasen nicht daz daz daz daz
eingeworren, vnd in hiesiger daz daz daz daz
sich vnd in hiesiger daz daz daz daz daz
sich, vnd, daz daz sie sich daz daz
sich, daz daz daz daz daz daz daz daz
andere wasen vorkauften vnd in hiesiger,

Первая страница рукописи «Краткого повествования...»

а также могли, в свою очередь, приобретать доставленные для них туда русские товары, распространять (их. — М. Б.) там и сям для преумножения всеобщего блага и извлекать выгоду, и все это без какого-либо обременения, пошлин и прочих поборов.

Кроме того, для этой цели они имели в России — в Великом Новгороде и в Пскове — различные конторы или эмпории, где осуществляли доставку и продажу своих товаров при посредничестве там же проживавших приказчиков (*Institutores*). И при такой свободе торговли они оставались не только в мирное время, но и в период войны, и беспрепятственно передвигались всюду любыми путями вне зависимости от времен. Нет никакого сомнения, что они оставались бы при ней (и впредь. — М. Б.), если б не перипетии войны и в особенности их самих, ревельцев, частная инициатива (*in sonderheit ihrer, der Revalischen, selbst eigen priuat gesuch*) по поводу переноса торговли в какое-либо иное место, с которой они обратились к его королевскому величеству (королю. — М. Б.) Швеции.

Ведь не без этого во время здесь упомянутой Московитской войны с ливонцами сначала шведский король Эрик XIV в 1562 г., а потом и король Иоганн III принялись препятствовать и воспрещать ганзейцам свободное плавание в Нарву и Россию и торговлю. К тому же в этих целях они направляли в открытое море свои галеры и корабли, с помощью которых бесчисленное множество ганзейских судов с экипажами и погруженными на них товарами, как на пути туда, так и при возвращении оттуда, в мирное время не меньше, чем на войне, были не только захвачены, уведены, но даже разделены и разобраны. И за захваченные таким образом корабли вплоть до сего дня не было выплачено ни малейшей компенсации, из-за чего им (ганзейцам. — М. Б.), и в особенности любекцам, причинен совершенно невыносимый и невозместимый ущерб.

Поэтому они в высшей степени были принуждены вместе с королем Дании начать открытую военную кампанию против Швеции. Это стоило многих затрат и крови, однако только так можно было окончательно и безвозвратно устранить эти препятствие и беспорядок посредством мирного договора, заключенного в 1570 г. в Штеттине, по которому гражданам и жителям города Любека вновь открыто и предоставлено свободное плавание, предпринимательство и торговля, как в Шведском королевстве, так и в России и в Нарве, в том объеме, как это бывало в прежние годы, без какой-либо оговорки, ограничения или изменения, но неограниченно, как это можно видеть в прилагаемом извлечении из этого договора со многими положениями. *Что же касается предстоящих, как известно,*

мирных переговоров (курсив мой. — *М. Б.*), следует, вероятно, позаботиться, чтобы по ходу всех переговоров не случилось ничего, доставляющего беспокойство и затруднения из-за того, где и в каком месте следует расположить стапель или резиденцию.

По этому поводу пусть возьмут на заметку, что торговлю следует переместить либо в Русскую Нарву (Ивангород. — *М. Б.*), либо куда-либо еще в Россию. Поэтому надо усиленно похлопотать о том перед великим князем или присланными советниками его величества и добиться, чтобы для ганзейцев всюду в тех местах плавание, торговля и обмен оставались свободными от препятствий со стороны шведского короля, а для большей надежности это следует включить в мирный договор.

В случаях же необходимости (совершения. — *М. Б.*) традиционных коммерческих поездок (*commertien*) не туда, а, к примеру, в Немецкую Нарву, Ревель или иные города, расположенные в Ливонии, желательно, чтобы дело способствовало тому, чтоб им, много раз упомянутым ганзейцам, равно как и самим ревельцам и прочим ливонцам, ничто не препятствовало свободно торговать с русскими всевозможными купеческими товарами в стране и за ее пределами, продавать или обмениваться без установления каких-либо обязательств по выплате пошлин или других обременений и, в особенности, принять меры, чтобы им с погруженными товарами беспрепятственно передвигаться разными путями к морю и по морю, чтобы их не принуждали ехать в Ревель или еще куда-нибудь и не удерживали (там. — *М. Б.*). Наряду с этим (следует разрешить. — *М. Б.*) не меньшую, чем в Нарве, свободу передвижения по воде и по суше и свободную торговлю еще и в русском Пскове, как это было с давних пор, а также свободу пребывания без каких-либо заслонов и препон.

Если же великий князь милостиво разрешит и пожалует ганзейцам (право. — *М. Б.*) торговать всевозможными товарами и вывозить (их. — *М. Б.*), желательно, чтоб вслед за тем попросили его царское величество вновь милостиво разрешить и пожаловать (право. — *М. Б.*) свободного подвоза туда воска, а также вывоз его оттуда наряду с другими товарами, как это исстари повелось.

Под конец же перед его царским величеством или перед советниками его царского величества следует с величайшим тщанием ходатайствовать, чтоб при такой свободной торговле он облагодетельствовал ганзейцев еще и освобождением от пошлин за ввоз товаров и чтоб в дальнейшем не налагал других обременений, дабы те были от того полностью освобождены и таким образом могли всесторонне и полной мерой пользоваться своими древними привилегиями, пожалованиями и свободами».

Проблема сохранения старинных торговых привилегий для Любека, во второй половине XVI в. переживавшего тяжелые времена, была крайне актуальной. Нельзя упускать из вида, что на момент составления «Краткого повествования...» поступательное разрушение традиционных внутриганзейских взаимоотношений, вызванное перестройкой механизма международной торговли в акватории Северного и Балтийского морей, вступило в завершающую стадию. Исчезновение или снижение значения ганзейских контор, которым некогда принадлежала ведущая роль в системе ганзейского товарообмена, привело к ослаблению зависимости городов Немецкой Ганзы от ее руководства, локализации их коммерческих интересов, дроблению некогда единого ганзейского пространства и, как следствие, сокращению деловой активности и понижению политического престижа Любека. «Прежний властелин Балтийского моря низошел на степень обыкновенного торгового города»⁶, однако не терял надежды выправить положение, используя в качестве основного козыря русскую торговлю. Западная Европа нуждалась в русском экспорте — воске, продукции лесных промыслов, кожах, сале, льне, пеньке и т. д.⁷, и потому Любеку нужно было любой ценой сохранить традиции «Русской Ганзы» и свои ключевые позиции в столь прибыльном предпринимательстве, на которое претендовали многочисленные конкуренты из иноземного купечества и прочих ганзейских городов⁸. По этой причине Любек настаивал на неукоснительном соблюдении всеми государствами региона свободы

⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос ... Т. 1. С. 603.

⁷ Harder-Gersdorff E. Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Novgorod (13.–17. Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen // Novgorod — Markt und Kontor der Hanse. Köln, 2002. S. 133–151.

⁸ Подробнее см.: Schmidt G. Städtelhanse und Reich im 16. und 17. Jahrhundert // Niedergang oder Übergang? : zur Spätzeit der Hanse im 16. und 17. Jahrhundert / Hrsg. A. Grassmann. Köln (u. a.), 1998. S. 25–46 ; Puhle M. Innere Spannungen, Sonderbünde — Druck und Bedrohungen von außen // Die Hanse — Lebenswirklichkeit und Mythos. Textband zur Hamburger Ausstellung von 1989 / Hrsg. J. Bracker (u. a.). Lübeck, 1999. S. 110–123 ; Postel R. Die Niederlag der Hanse // Ibid. S. 165–193 ; Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München, 2000. S. 97–120 ; Schipmann J. L. Politische Kommunikation in der Hanse (1550–1621). Hansetage und westfälische Städte. Köln, 2004 ; Brand H., Müller L. The dynamic of economic culture in the North Sea and Baltic Region during the Late Medieval and Early Modern periods // The Dynamic of Economic Culture in the North Sea- and Baltic Region in the Middle Ages and Early Modern Period / ed. H. Brand and L. Müller. Hilversum, 2007. P. 7–10 ; Selzer S. Die mittelalterliche Hanse. Darmstadt, 2010. S. 104 ; Wub-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe : an Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe / ed. J. Wub-Mrozewicz. Hardcover, 2012. P. 1–36.

доступа ганзейских купцов в занятую русскими войсками Нарву или «нарвских плаваний», которые, в частности, явились одним из главных предметов спора при обсуждении условий Штеттинского мира⁹.

Исторический контекст «Краткого повествования...» помогает решить вопрос о его целевом назначении и смысловом содержании, тщательно задекорированном ссылками на общественное благо. Отсутствие адреса, обращения к адресату, а также приветствий и концовок, характерных для произведений эпистолярного жанра, не позволяет отнести его к разряду деловых посланий. Вместе с тем оно явно сродни тем пропагандистским листкам («резонам», «дискурсам»), что распространялись противниками и сторонниками «нарвских плаваний» в процессе обсуждения условий Штеттинского мира¹⁰. В то же время адресность данного сочинения сомнений не вызывает. Судя по тону повествования, оно было адресовано тому, кто, с точки зрения его авторов или заказчиков, симпатизировал идее сохранения ганзейских привилегий, видел смысл в развитии торговых контактов с Россией и имел возможность им содействовать. Выражение же «ваша, ревелъцев, частная попытка» («*ihrer, der Revalischenn, eigen priuat gesuch*»), употребленное авторами «Краткого повествования...» в том месте, где говорится о нелицеприятном поведении граждан Ревеля в отношении ганзейцев, прямо указывает на адресата.

С XIV в. Ревель являлся узловым пунктом или «стапелем» русско-ганзейского товарообмена, посредством которого города «заморской» Ганзы во главе с Любеком поддерживали свои торговые связи с Великим Новгородом и Псковом, но в начале Ливонской войны в связи с переходом города шведской Короне (1561) он стал обособливаться от Ганзы и даже участвовать в антиганзейских мероприятиях шведских королей¹¹. Чтобы воспрепятствовать разрушению традиционного порядка ведения своей русской торговли, долгое время осуществлявшегося посредством ревелъского «стапеля», власти Любека не останавливались даже перед применением грубого насилия. В 1569 г. любекские корабли в составе

⁹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос ... Т. 1. С. 516, 523–524 ; Köhler M. Die Narvafahrt. Mittel- und Westeuropäische Rußlandhandel 1558–1581. Hamburg, 2000. S. 45–68.

¹⁰ Форстен Г. В. Балтийский вопрос ... Т. 1. С. 553–562.

¹¹ Greiffenhagen W. Reval als der Glied der Hanse // Baltische Monatsschrift. Riga, 1890. Bd. 37. S. 384–407 ; Weede S. Der Revaler Rußhandel im Mittelalter // Reval : Handel und Wandel vom 13. zum 20. Jahrhundert. Lüneburg, 1997. S. 87–110 ; Ritscher A. Reval an der Schwelle zur Neuzeit : 2 Bd. Bonn, 1998.

датской эскадры участвовали в осаде Ревеля, закончившейся для союзников неудачно¹².

Из-за самоотстранения Ревеля Любек крайне нуждался в новом посреднике для своей торговли с Россией, а потому настаивал на праве своих граждан беспрепятственно приезжать и свободно торговать в Нарве, с мая 1558 г. находившейся «под рукой» российского государя, и даже инициировал перенос туда «стапеля». Это, понятно, шло вразрез с интересами Ревеля, равно как Швеции и Польши. На переговорах в Штеттине все они выступали против включения соответствующего пункта в текст мирного договора, однако любекское «лобби», пользовавшееся поддержкой Дании и благосклонностью императора Максимилиана II, сумело отклонить их протест¹³.

Упоминание в «Кратком повествовании...» Штеттинского договора «со многими приложениями» дает основание утверждать, что оно было составлено уже после заключения Любеком мирного договора со Швецией, которое состоялось 13 декабря 1570 г., или же после его ратификации муниципалитетом 25 января 1571 г. Копия мирного договора, которая в настоящий момент также хранится в TLA¹⁴, скорее всего, была прислана в Ревель из Любека после завершения осады города герцогом Магнусом Голштинским 16 марта 1571 г.¹⁵ «Краткое повествование...», как в нем прямо сказано, прилагалось к тексту штеттинских соглашений, а значит, ревельцы могли его получить уже в конце марта или в апреле 1570 г.

Самым интригующим моментом «Краткого повествования...» является упоминание о «предстоящих, как известно, мирных переговорах» (*bevorstehende bewuste friedeshandlung*), в связи с которыми ожидалось новое «беспокойство и затруднения из-за того, где и в каком месте следует расположить стапель». Из контекста ясно следует, что

¹² *Russow B.* Nye Lyfflendische Chronica. Rostok, 1578. S. 113r–115v. См. также: *Fritze K., Krause G.* Seekriege der Hanse : Das erste Kapitel deutscher Seekriegsgeschichte. Berlin, 1997. S. 173.

¹³ *Фопчен Г. В.* Балтийский вопрос ... Т. 1. С. 515–525 ; *Glete J.* Warfare at Sea ... P. 124.

¹⁴ TLA, 230, BD 16.

¹⁵ 1 марта 1571 г. шведский король официально оповестил о заключении Штеттинского мира ревельский магистрат, который к тому времени уже имел известие о том от герцога Померанского (*Hansen G.* Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 // *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands.* Reval, 1887. Bd. 3. S. 307). Вестей из Любека на то время в Ревеле, по-видимому, еще не получали.

одним из участников вышеназванных переговоров будет Россия в лице ее государя Ивана IV или, что вероятней, его представителей. На тот момент Российское государство находилось в состоянии войны с одной лишь Швецией, оказывая поддержку брату датского короля Фредерика II герцогу Магнусу Голштинскому, который признал себя вассалом («голдвонником») русского царя и был пожалован им званием «ливонского короля»¹⁶. Многомесячная осада Ревеля 1570–1571 гг., предпринятая принцем по приказу царя, бесславно завершилась 16 марта 1571 г.; после чего начало мирных переговоров Швеции с Москвой стало, видимо, казаться закономерным.

Косвенное доказательство того мы находим в «Апологии» Магнуса Голштинского, написанной им в 1579 г. после его бегства с царской службы, где говорится о том, что осенью 1571 г. принц, находившийся тогда на о. Эзель (Сааремаа) пожелал «направить своих послов к великому князю, чтобы ревностно способствовать заключению мира между великим князем и его королевским величеством королем Швеции или пребывать при нем» (*so wollten wir unsere gesandten zu abfertigen, fleiß vorzuwandende den frieden zwischen ime und der k. w. zu Schweden zu begreifende oder in ufzuhaltende*). 17 февраля 1572 г., еще до открытия навигации, послы герцога были спешно направлены санным путем («по льду») в Швецию¹⁷. Вместе с ними выехали и послы к русскому царю, которые добрались до Александровой Слободы и смогли передать своему господину, что дело «со Шведом, который кого-то к нему (царю. — М. Б.) снаряжал, могло, по всей вероятности, увенчаться миром» (*Midt deme schweden, da ehr jemand an in abfertigen wurde, konte es woll zum friede geraten*)¹⁸.

¹⁶ О Магнусе Голштинском см.: *Busse K. H. von. Herzog Magnus, König von Livland. Ein fürstliches Lebensbild aus dem 16. Jahrhundert. Aus dessen nachgelassenen Papieren herausgegeben von J. Fh. von Bohlen. Leipzig, 1871*; *Hansen G. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen ...; Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland — Livland — Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 137–158*; *Hübner E. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 313–334*; *Adamson A. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract). Tallinn, 2006.*

¹⁷ Stockholm, Riksarchivet, Livonica I, vol. 24, Livo-Moscovitica. «Förhandlingar med ryske storfursten i Dorpat». 1570, fol. 7v.

¹⁸ Ibid., fol. 7r.

Как бы там ни было, но в Любеке считали русско-шведские переговоры реальной перспективой, дававшей ему шанс на развитие достигнутого в Штеттине успеха. Помятуя о том, что Ганзу на переговорах с русской стороной всегда представляли Ревель и Дерпт (Тарту)¹⁹, руководство Любека полагало, что и при обсуждении русско-шведских мирных соглашений ревельцы смогут быть полезны номинальному главе Ганзы. «Краткое повествование...» по сути своей преследовало две цели — сгладить трения между Любеком и Ревелем, обострившиеся после пресловутого датско-любекского нападения 1569 г., а также превратить ревельцев в поборников общеганзейских интересов. По этой причине составители документа, в котором ощущается многозначительное акцентирование недружественного поведения граждан Ревеля в отношении Ганзы, воздержались от прямых инвектив по адресу ревельцев. Упреки по поводу их просьбы, обращенной к шведскому королю, о переносе балтийской торговли в пределы шведских владений и их причастности к нападениям шведов на ганзейские корабли можно рассматривать как попытку оправдания участия Любека в нападении 1569 г.

Впрочем, негативные стороны взаимоотношений двух городов авторами «Краткого повествования...» не акцентируются. Напротив, на первый план в нем выдвинута идея их совместной принадлежности Ганзе, а в качестве консолидирующего их отношения момента предложены две общеизвестные и не требовавшие пересмотра константы, утверждавшие (1) благотворность развития торгового обмена городов ганзейского общества и русского Северо-Запада и (2) необходимость сохранения в неизменном виде всего комплекса ганзейских привилегий. Для обоснования такого рода посылки в зачине «Краткого повествования...» помещена краткая реплика, посвященная русско-ганзейской торговой «старине» и Немецким подворьям Новгорода и Пскова (основаны не ранее 20-х гг. XVI в.²⁰), где ганзейские купцы испокон веков торговали себе во благо якобы свободно и беспошлинно. С позиции фактологии этот рассказ большого значения не имеет, но при этом он несет весьма важную смысловую нагрузку, поскольку служит ретроспективным фоном, благодаря которому русско-ганзейские торговые взаимоотношения приобретают вид некой исключительно гармоничной, хотя и иллюзорной, композиции. Противоречившие ей факты, связанные со сбором пошлин, торговыми запретами и санкциями, конфликтными ситуациями, арестами купцов и т. п., которые

¹⁹ *Angermann N.* Die Bedeutung Livlands für die Hanse // Die Hanse und der deutsche Osten. Lübeck, 1990. S. 102.

²⁰ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 139.

были присущи реальной практике²¹, здесь тщательно отфильтрованы. Нет, к примеру, упоминаний о закрытии новгородского Немецкого подворья Иваном III в 1494 г., повлекшем за собой сокращение новгородской торговли²², или о пожаре 1560 г., уничтожившем Немецкий двор в Пскове, который будет восстановлен лишь в 1574 г.²³ Парадоксальной в глазах любого специалиста выглядит попытка атрибутировать торговлю ганзейцев в России как беспрошленную и бесконфликтную, не подверженную влиянию внешнеполитических обстоятельств, но она обретает смысл в том случае, если рассматривать ее в качестве мнемотехнического ухищрения, направленного на привлечения ревельцев к реализации предлагаемого Любеком проекта.

Составители «Краткого повествования...» полагали, что на предстоящих переговорах может обозначиться вопрос о новом торговом «стапеле» для предназначенных к экспорту русских товаров. Поскольку Ревель видел в Нарве своего основного конкурента и решительно отвергал свободу «нарвских плаваний», Любек предложил в качестве альтернативного варианта решения проблемы перенос «стапеля» в «Русскую Нарву» (Ивангород) или другой русский город с обязательной фиксацией этого решения в тексте договора («для большей надежности это следует включить в мирный договор»). Будучи совершенно уверенными в том, что такой разворот обыгрий может заинтересовать магистрат Ревеля, составители документа сочли для себя возможным поместить в нем инструкцию для его представителей, которым случится участвовать в переговорах с русским государем или его вельможами. Вслед за положительным решением вопроса по переносу «стапеля» в какой-либо приграничный русский город им надлежало просить царя о распространении права свободного передвижения и торговли с русскими на всю Ливонию («страну»), часть которой была занята русскими войсками, а также на Псков. Невзирая на условия военного времени, псковичи продолжали вести международную торговлю, ориентируясь, главным образом, на Дерпт и Нарву²⁴;

²¹ Angermann N., *Endeil U. Die Partnerschaft mit der Hanse // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.–17. Jh. München, 1989. S. 99–101*; Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 75–77, 87–93, 96–115 и др.

²² Angermann N. Die Hanse und Rußland // Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. 1987. Bd. 20. H. 86/87. S. 70.

²³ Nyenstädt F. Livländische Chronik // Monumenta Livoniae antiquae. Riga (u. a.), 1839. Bd. 2. S. 33.

²⁴ Angermann N. Zum Handel der livländischen Städte mit Pleskau im späten 16. Jahrhundert // Hamburg und Nordeuropa. Studien zur Stadt- und Regionalgeschichte. Festschrift für Gerhard Theuerkauf zum 70. Geburtstag. Münster, 2004. S. 13–14.

в этом случае упоминание о Пскове в «Кратком повествовании...», возможно, было рассчитано на особую заинтересованность ревельцев, чьи деловые контакты с этим русским городом особой активностью не отличались²⁵.

По ходу русско-шведских переговоров предполагалось также склонить российского государя к освобождению ганзейских купцов от пошлин и прочих поборов в местах их торговли с русскими с опорой на прецедент. Выше уже говорилось, что ганзейская торговля в пределах Немецких подворий Великого Новгорода и Пскова на являлась беспошлинной, но такая привилегия в 1558 г. была пожалована Иваном IV Нарве²⁶, что, идимо, и сподвигло авторов «Краткого повествования...» трактовать ее как неотъемлемую часть русско-ганзейской торговой «старины».

В связи с обсуждением проблемы русского «стапеля» предполагалось заручиться гарантиями русского правительства по поставкам туда необходимых ганзейцам товаров, в первую очередь воска, и по их свободному вывозу из России. Воск в торговле Ревеля занимал одну из первых позиций²⁷, и, если учесть тот факт, что в массе своей он поставлялся из Новгорода²⁸, в 1570 г. пережившего кровавый опричный погром, становится понятной озабоченность ганзейцев проблемой его бесперебойных поставок.

Интересно также отметить, что в Любеке, видимо, верили в то, что Иван IV пойдет навстречу их пожеланиям. Русский царь в «Кратком повествовании...», сочинении явно прагматическом, более схож с западноевропейскими государями с характерной для тех склонностью к протекционизму, чем с тем кровавым «тираном», образ которого к тому времени всюю тиражировался западноевропейской публицистикой²⁹. Практицизм, которым руководствовались составители документа и его заказчики из

²⁵ Flöttmann A. Der Revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland — Livland — Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / Hrsg. N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 119.

²⁶ Köhler M. Die Narvafahrt ... S. 36–39.

²⁷ На примере торгово-предпринимательской деятельности ревельского купца Ольрика Элерса за 1536–1541 гг. В. В. Дорошенко показал, что в перечне товаров, закупавшихся у русских, именно воск занимал первую позицию (69,6 %) (Дорошенко В. В. Русские связи таллинского купца в 30-х гг. XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: сб. статей. Рига, 1968. С. 57).

²⁸ Дорошенко В. В. Русские связи таллинского купца ... С. 57.

²⁹ Kappeler A. Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jh. München, 1985. S. 150–182.

состава любекского муниципалитета, побудил их замалчивать обстоятельства осады Ревеля царским «голдовником» Магнусом в 1570–1571 гг.³⁰ и новгородской «кровавой бани» 1570 г., сразу же нашедшей отражение в западных «летучих листках»³¹.

К сожалению, у нас нет документального свидетельства реакции Ревеля на призыв Любека, если таковая вообще была, равно как и сведений о русско-шведских переговорах с царем. Иван IV негативно оценил мирные договоренности датского короля со шведами в Штеттине («учинил не по пригожу»)³² и не собирался прекратить боевые действия в Северной Эстонии³³. Вместе с тем в его политике 1570-х гг. явно проступают усилия, направленные на развитие русско-ганзейской торговли и, в частности, «нарвских плаваний»³⁴, что в общем и целом соответствовало духу вышепредставленного любекского проекта. Впрочем, до полного его воплощения дело не дошло — ганзейцы не были освобождены от пошлин, Ивангород, несмотря на развития своей торговли, статуса ганзейского «стапеля» не получил, равно как и Псков, — и это позволяет предположить, что царский «протекционизм» питался не столько пожеланиями ганзейцев, сколько стремлением царя сохранить военно-политический союз с Данией³⁵.

Подводя итог всему сказанному, следует особо отметить, что содержание «Краткого повествования...» мало соответствовало реальным взаимоотношениям Ганзы и России, но отражало умонастроения, царившие после подписания Штеттинского мира в Любеке. Его содержание не оставляет сомнений в том, что руководство города на тот

³⁰ Судя по описанию осады в Хронике уроженца Ревеля Бальтазара Рюссова, она воспринималась горожанами очень болезненно (*Russow B. Nye Lyfflendische Chronica. S. 123v–126r, 128v–132r.*).

³¹ *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 433.

³² *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского архива // Русская историческая библиотека. 1897. Т. 16. № 25. Стб. 97.

³³ В 1571 г. боевые действия русских войск в Прибалтике были приостановлены из-за нападения татар, но в следующем году они возобновились, результатом чего стало взятие русскими крепости Вейссенштейн (Пайде).

³⁴ *Köhler M.* Die Narvafahrt ... S. 62–68, 113–115; *Хорошкевич А. Л.* Города России во время Ливонской войны (к постановке вопроса) // Древности Пскова: Археология, история архитектура. Вып. 2: К юбилею И. К. Лабугиной. Псков, 2011. С. 278.

³⁵ *Venge M.* Копенгагенский трактат 1493 г. и датско-русские связи в XVI веке // Дания и Россия 500 лет: сб. статей / ред. Л. П. Поульсен-Хансен; пер. М. Тюрина. М., 1996. С. 23.

период не рассталось с надеждой реанимировать единство Немецкой Ганзы и восстановить исконную систему ведения ею международной торговли посредством контор и «стапелей». Развитие торговли с Россией в этой связи рассматривалось Любеком не только как самоцель, но, гораздо более, как средство воссоздания исходной модели внутриганзейских отношений. Можно предположить, что идея «русского стапеля», выдвинутая Любеком вскоре после подписания Штеттинского мира, преследовала целью обретение дополнительных гарантий для утвержденных этим пактом ганзейских привилегий — на сей раз со стороны российского государя.

Иван IV, судя по всему, к оформлению идеи «русского стапеля» лично отношения не имел. Более того: бросается в глаза плохая осведомленность авторов «Краткого повествования...» в отношении политической стратегии и намерений российского государя, что можно объяснить ограниченностью доступа ганзейских купцов к ближайшему окружению царя. На ту пору в Москве прочно обосновались коммерсанты из Южной и Центральной Германии, включая представителей дома Фуггеров, которые поставляли царскому двору предметы роскоши³⁶, ганзейцы же по-прежнему осуществляли свои контакты с российским государем через его новгородских и псковских наместников. В этом случае передача в Любек информации о положении дел в высших политических сферах Российского государства доставлялась опосредовано, прежде всего через любекских купцов, торговавших с Нарвой и Ивангородом. В этой среде, по-видимому, и родилась идея «русского стапеля».

³⁶ Angermann N. Deutsche Handelsverbindungen mit Moskau im 15. und 16. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter. 2007. Bd. 125. S. 132–133.

(S. 1v.) **Kürtzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Lieflandt und Rußlandt gebrauchter Sigillation, gewerb undt hanthierung.**

Der Stadt Lübeck und anderer erbarn hânbestedt(en) eingessene bürgere und Einwohners haben von altenrs und undencklichen iharen daher so woll in Lieff(landt), als Rußlandt, sonderliche *privilegia*, begnadungen und freyheiten gehabt, dergestalt das sie dahin nicht allein allerhandts Kaufmanswahren freyfehlig, sicher, so woll zu waßer als zu lande, bringen, die ihres gefallen, an die Rußen und andere vorhandelen, vorkhauffen oder vorwechßeln. Sondernn auch hinwiederummb die an sich gebrachte Rußische wahren anhero schaffen undt bringen und zu fortsetzung gemeiner wolfarth hin und wieder *Distribuiren* und vorteilen mögen, und solches ohne ienig beschwer, zollens oder andere *Imposten*.

Inmaßen sie dan auch zur dero behueff unterschiedliche Cunthor oder *Emporia* zu großen Neugarten und den Pleskau in Rußlandt gehabt, dahin sie solche ihre gueter und wahren fuhren und durch ihre *Institutores* dabelbsten residirert, vorhandlen laßen. Bey welcher freyen handelung sie auch nicht allein in friedens, sonder auch krieges zeiten undt leufften ie und allewege ohne ienigen underscheit der zeit, unbehindert gelaßen, wehren auch dorbey ohne allen zweifell woll geblieben, wan nicht durch das eingefallene kriegsweßen und insonderheit ihrer, der Revalischenn, selbst eigen *priuat* gesuch, und das sie sich zu der Kho: Mayit: zue Schweden geschlagen, die händell anderswohin *transferirt* worden wahren.

(S. 1r.) Ob aber nunwoll nicht ohne das bey zeiten itz angedenketen Muschowitenischen krieges mit den Liefflendern a(nn)o 1562 ungefehr Ericus der XIV., Khonig zur Schweden, unnd folgenns Konig Iohan der III. solche freyhe Sigillation und gewerbe auf die Narwa und Rußlandt den hansischen zuvorhindern und abtzustricken sich understanden, auch zu dero behuff ihr Galeryen und Schiff in die offenbare sehe lauffen, durch dieselbe viel unzehliche hansische Schiff, sowohl auf der hinn, als herreiße, auch nicht weniger zu friedens, als krieges Zeiten, mit Man und eingeladenen guetern nicht allein entnehmen, hinwegfuhren, sondern dießelben auch *partieren* und ausbauten laßen, alßo das von solchen entnommen Schiffen und guetern bis auf heute das geringste nicht *Restiturt* wordenn, dodurch den auch den Lubischen insonderheit ein überaus untreglicher und ubwiederbringlicher schade zugewachßenn. Auch daher höchst genottrengt, sich beneben den Khon: Mayit: zu Denmargk wieder den Schweden in offene kriegs *expedition* zubegeben, das dan auch guts und bluts gennugsam gekostet, so ist aber

doch solche behinderung und *turbation* folgens in dem zur Stetin a(nn)o (15)70 aufgerichteten friedens vortrag gantzlich und aller dings hinwieder aufgehoben, dergestalt das der Stadt Lübeck burgern und Einwohnern die gemeine Sigillation, gewerb und hantierung, sowoll in das Königreich Schweden, als auch auf die Reußen und nach der Narva allermaßenn, wie es für dero zeit und von alters her geweßenn, hinwieder eröffnet und freygestellt und das ohne ienig furbehalt, *limitation* oder *restriction*, sondern *indefinite* und ohne unterscheid, gleich wie aus beiliegendenn *Extract* deßelben vortrags mit mehren umbstanden zuersehen.

(S. 2v.) Was aber nun die itzo bevorstehende bewuste friedeshandlung betreffen thutt, so stehet woll zubesorgen, das bey den gantzen handlung nichts muheßeligers und beschwerlichers furfallen wrdt, dan wo wan und an welchem orte der Stapell oder *Residentz* hingelegt werden soll, von dem vormerget wurde, das der handell etwan uf die Russische Narva oder anders wohin in Rußlandt *transferiret* werden sollte. So muste man sich bey dem Grosfursten oder Ihrer Maytt: anweßenden Rathen fleißigst dahin bemuhen und durchtreiben, das den hansischen auf dieselbe orte die *Sigillation*, handell und wandell der Kon: Maytt: zu Schweden unbehindert in allewege frey stehen und zu mechter sicherung, das es in den Friedens vortrag mit einvorfaßet werden mochte.

Im fall aber die gewonlichen *Commertien* nicht dahin, sondern etwa uf die Teutsche Narva, Reval odere andere in Lieflandt wolgelegene Stedte gebracht werden solte, so wolte als dan die sache dahin zubefordern sein, das ihnen mehre besagten hansischen mit den Reußen mit allerhants Kaufmanswahrenn nichts ausbescheiden in und aus dem lande zu handeln, zu vorkauffen oder umbzuwechßlen, in so frey stehen möchte, als ihnen, den Revalischen und andern Liefendischen selbst, und das ohne auftringung iennigen Zollens unflicht oder anderen beschwer, sonderlich aber auch zu *praecauiren*, das ihnen mit den eingeladenen guetern von darab strackes nach und durch die Sehe zufuhren, unbehindert frey stehen und nicht nach Revall oder anders wohin zulauffen gedrungen noch angehalten

(S. 2r) werden. Und gleichwoll auch dorbenebenn nicht desto weniger die *Sigillation* und hantierung auf die Narva und Pleßkow in Rußlandt zu waßer und zu lande, wie es von alten her geweßen, auch zugleych frey bleiben und kheinesweges verschloßen oder vorsperret werden mochte.

Und weiln dan auch der Grosfurst den hansischen in Rußlandt mit allerhandt wahren und *commoditeten* daselbst zuehandlen, auch die auszufuhren gnedig vorstattet undt nachgegeben, das demnach ihr Key: Maytt: ferner zubitten sein wolte, hinfuro auch das wachs hinwieder frey zugeben, und zugleich mit

den andern wahren herauß zuführen, wie es von alters herbracht, gnedigst zugestatten und nachtzugeben.

Schlietlichen auch der Kay: Maytt: oder Ihrer Maytt: Rathen hochstes vleiβes anzuliegen, das sie die hansischenn bey solcher freyen handlung auch mit erlegung des Zollens hinfuro vorschonet und damit noch anderer beschwerden nicht ferner bestrenget, sondern davon getzlich befreyhet und also allerbeitz ihrer uhralten *privilegien*, begnadigung undt Freyhheit wirkklichen zugenießen haben mochten.

SUMMARY

The article presents the original text and Russian translation of a previously unknown letter of Lübeck to the citizens of Reval 1571 from the National State Archives of Sweden containing a program for the preservation and expansion of privileges of Hanseatic League in Russia and Livonia. Being in a difficult economic and political situation, Lübeck was interested not only in preserving the old markets, but also in expanding his trading activity. The shifting the centre of the international trade at the Baltic Sea («staple») in some of the Russian cities, that simultaneously had to get the old Hanseatic privileges, was for him highly desirable. In this case, all lucrative trade between Europe and Russia would have been under his control. To achieve this goal, Lübeck has intended use the mediation of Reval in upcoming Russian-Swedish talks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Русско-ганзейские отношения, Любек, Ревель, ганзейский «стапель».

KEYWORDS

Russian-Livonian trade, Lübeck, Reval, a Hanseatic «staple».

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

Venge M. Копенгагенский трактат 1493 г. и датско-русские связи в XVI веке // Дания и Россия 500 лет : сб. статей / ред. Л. П. Поульсен-Хансен ; пер. М. Тюрина. М., 1996 (*Venge M.* Kopengagenskij traktat 1493 g. i datsko-russkie svjasi v XVI veke // Dania i Rossia — 500 let. Moscow, 1996. S. 10–33).

Дорошенко В. В. Русские связи таллинского купца в 30-х гг. XVI // Экономические связи Прибалтики с Россией : сб. статей. Рига, 1968 (*Doroshenko V. V.* Russkije svjazi tallinnskogo kupca v 30-h gg. XVI v. // *Ekonomicheskie svjazi Pribaltiki s Rossiej.* Riga, 1968. S. 47–57).

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975 (*Kasakova N. A.* Russko-livonskie i russko-gansejskie otnoshenija. Konez XIV – nachalo XVI v. Leningrad, 1975).

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009 (*Rybina E. A.* Novgorod i Gansa. Moscow, 2009).

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013 (*Filjushkin A. I.* Isobretaja pervuju vojnu Rossii i Evropu : Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. Glasami sovremennikov i potomkov. SPb., 2013).

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1 (*Forsten G. V.* Baltijskij vopros v XVI i XVII stoletijah. SPb., 1893. T. 1).

Хорошкевич А. Л. Города России во время Ливонской войны (к постановке вопроса) // Древности Пскова : Археология, история архитектуры. Вып. 2 : К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 2011 (*Horoshkevich A. L.* Goroda Rossii vo vremja Livonskoj vojny (k postanovke voprosa) // *Drevnosti Pskova : Arheologia, istoria, arhitektura.* Vol. 2 : K jubileju I. K. Labutinoj. Pskov, 2011. S. 271–279).

Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского архива // Русская историческая библиотека. 1897. Т. 16. № 25 (*Scherbachev J. N.* Russkije akty Kopenhagenskogo archiva // *Russkaja istoricheskaja biblioteka.* 1897. T. 16. N 25).

Adamson A. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract). Tallinn, 2006.

Angermann N. Deutsche Handelsverbindungen mit Moskau im 15. und 16. Jahrhundert // *Hansische Geschichtsblätter.* 2007. Bd. 125. S. 121–142.

Angermann N. Die Bedeutung Livlands für die Hanse // *Die Hanse und der deutsche Osten.* Lübeck, 1990. S. 97–116.

Angermann N. Die Hanse und Rußland // *Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde.* 1987. Bd. 20. H. 86/87. S. 57–92.

Angermann N. Zum Handel der livländischen Städte mit Pleskau im späten 16. Jahrhundert // *Hamburg und Nordeuropa. Studien zur Stadt- und Regionalgeschichte. Festschrift für Gerhard Theuerkauf zum 70. Geburtstag.* Münster, 2004. S. 11–20.

Angermann N., Endeil U. Die Partnerschaft mit der Hanse // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.–17. Jh.* München, 1989. S. 83–115.

Arnell S. Bidrag till belysning av den baltiska fronten under det nordiska sjuårskrig 1563–1570. Almqvist & Wiksell International, 1977.

Baltic Connections. Archival Guide to the Maritime Relations of the Countries around the Baltic Sea (including the Netherlands) 1450–1800 : 3 vols. Leiden (u. a.), 2007.

Brand H., Müller L. The dynamic of economic culture in the North Sea and Baltic Region during the Late Medieval and Early Modern periods // The Dynamic of Economic Culture in the North Sea- and Baltic Region in the Middle Ages and Early Modern Period. Hilversum, 2007. P. 7–10.

Busse K. H. von. Herzog Magnus, König von Livland. Ein fürstliches Lebensbild aus dem 16. Jahrhundert. Aus dessen nachgelassenen Papieren herausgegeben von J. Fh. von Bohlen. Leipzig, 1871. S. 240–301.

Flöttmann A. Der Revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // Deutschland — Livland — Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 111–138.

Fritze K., Krause G. Seekriege der Hanse : Das erste Kapitel deutscher Seekriegsgeschichte. Berlin, 1997.

Frost R. The Northern Wars. State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000.

Glete J. Warfare at Sea, 1500–1650: Maritime Conflicts and the Transformation of Europe. London, 2001.

Greiffenhagen W. Reval als der Glied der Hanse // Baltische Monatsschrift. Riga, 1890. Bd. 37. S. 384–407.

Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München, 2000.

Hansen G. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revals 1570–1571 // Beiträge zur Kunde Eht-, Liv- und Kurlands. Reval, 1887. Bd. 3. S. 264–329.

Hansen G., Greiffenhagen O. Katalog des Revaler Stadtarchivs : 3 Bd. 2. Aufl. Reval, 1924–1926.

Harder-Gersdorff E. Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Novgorod (13.–17. Jh.) : Grundstrukturen und Forschungsfragen // Novgorod — Markt und Kontor der Hanse. Köln, 2002. S. 133–151.

Hübner E. Zwischen allen Fronten : Magnus von Holstein als König von Livland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 313–334.

Jensen F P. Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kopenhagen, 1982.

Kappeler A. Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts //

Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jh. München, 1985. S. 150–182.

Köhler M. Die Narvafahrt. Mittel- und Westeuropäische Rußlandhandel 1558–1581. Hamburg, 2000.

Lenz W. Die ausgelagerten Bestände des Revaler Stadtarchivs // Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1986. Bd. 34. 1987. S. 7–12.

Neitmann K. Geschichte und Zukunft des Liv-, est- und kurländischen Urkundenbuches // Stand, Aufgaben und Perspektiven territorialer Urkundenbücher im östlichen Mitteleuropa. Marburg, 1998. S. 107–121.

Postel R. Die Niederlag der Hanse // Die Hanse — Lebenswirklichkeit und Mythos. Textband zur Hamburger Ausstellung von 1989. Lübeck, 1999. S. 165–193.

Puhle M. Innere Spannungen, Sonderbünde — Druck und Bedrohungen von außen // Die Hanse — Lebenswirklichkeit und Mythos. Textband zur Hamburger Ausstellung von 1989. Lübeck, 1999. S. 110–123.

Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland — Livland — Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 137–158.

Ritscher A. Reval an der Schwelle zur Neuzeit : 2 Bd. Bonn, 1998.

Shipmann J. L. Politische Kommunikation in der Hanse (1550–1621). Hansetage und westfälische Städte. Köln, 2004.

Schmidt G. Städtehanse und Reich im 16. Und 17. Jahrhundert // Niedergang oder Übergang? : zur Spätzeit der Hanse im 16. und 17. Jahrhundert. Köln (u. a.), 1998. S. 25–46.

Selzer S. Die mittelalterliche Hanse. Darmstadt, 2010.

Weede S. Der Revaler Rußhandel im Mittelalter // Reval : Handel und Wandel vom 13. zum 20. Jahrhundert. Lüneburg, 1997. S. 87–110.

Wub-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe : an Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. Hardcover, 2012. P. 1–36.